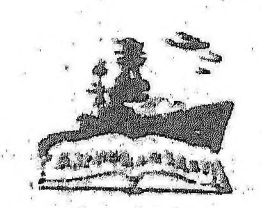
БИБЛИОТЕКА КРАСНОФЛОТЦА

Проф. О. ЦЕХНОВИЦЕР

ФАШИЗМ—ЗЛЕЙШИЙ ВРАГ КУЛЬТУРЫ

ВОЕНМОРИЗДАТ
1941

БИБЛИОТЕКА КРАСНОФЛОТЦА
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Проф. О. ЦЕХНОВИЦЕР
Полковой комиссар

ФАШИЗМ—ЗЛЕЙШИЙ ВРАГ КУЛЬТУРЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКВМФ СОЮЗА ССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

Редактор *Г. М. Игнаткович*

Подписано к печ. 19/VII 1941 г. Объем $^5/_8$ п. л. Уч. авт. л. 0,9
Знаков в 1 п. л. 59200 ГМ 14663. Зак. № 5281

2-я тип. Военмориздата НКВМФ.

Сразу же после захвата немецкими фашистами власти на городских площадях Германии запылали костры. Варвары XX века воскресили средневековое ауто-да-фе. Германия вновь переживает те мрачные времена средневековья, когда инквизиторы-изуверы сжигали на кострах передовых ученых, обвиняя их в колдовстве.

Весна 1933 года. На площади Государственной оперы, находящейся в центре Берлина, сложен огромный костер. Наступает ночь. На площадь выходят бандиты в коричневых рубахах и бросают горящие факелы на бревна, обильно политые керосином. Дым и пламя окутывают площадь. На кострах сжигаются произведения высшей человеческой мудрости, произведения, являющиеся гордостью науки и искусства. Среди уничтожаемых книг — произведения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Огню предаются книги Либкнехта и Бебеля, произведения классиков мировой литературы — Горького, Барбюса, Томаса Манна, Генриха Манна и других крупнейших писателей.

В качестве «великого инквизитора» выступает фашистский министр Геббельс. Он первый подносит факел к облитым керосином книгам. И вслед за ним фашистские студенты с грузовых автомобилей, подъезжающих к кострам, сбрасывают в огонь кипы книг. Жалкий урод Геббельс, освещенный кровавым заревом пламени, выкрикивает свою речь: «Студенты, я призываю вас в этом пламени видеть символ новой эры германского народа!» Оркестр играет кайзеровский гимн, ветер разносит по площади полуобгоревшие страницы «крамольных» книг.

Небольшая группа штурмовиков несет портрет Карла Маркса, подносит к костру и бросает его в огонь. Фашистский бандит хватает топор и неистово рубит пылающую деревянную раму. Огонь освещает его озверелое лицо. Оркестр играет туш...

Фашизм пришел к власти при свете провокационного пожарища Рейхстага. В этом огне были уничтожены жалкие остатки немецкого парламентаризма. Этот огонь зажег костры на площадях городов фашистской Германии, костры, на которых по официальным данным было сожжено 20 миллионов томов книг стоимостью около 30 миллионов марок. Вся Германия пропахла черным дымом инквизиционных костров.

Расправившись с «крамолой» внутри Германии, фашизм стал огнем и мечом наводить «новый порядок» во всей Западной Европе. На помощь керосину пришли танки, артиллерия и бомбовозы. Заревом пожаров озарились города Испании, Австрии, Чехословакии. И, наконец, фашисты разожгли пожар второй мировой войны, в котором пытаются уничтожить все то, что завоевано лучшими умами человечества и направлено на службу народу, на службу прогрессу и цивилизации.

Фашизм — это средневековое варварство. Но по сравнению с средневековьем фашизм — нечто более страшное. Все кошмары средневековья бледнеют перед цинизмом и жестокостью фашистских палачей. Товарищ Димитров так говорил об этих злодеяниях: «Германский фашизм превращает в кровавую массу мужей в присутствии их жен, матерям посылает в почтовых пакетах пепел убитых сыновей... Захваченным антифашистам в камерах пыток насильно впрыскивают отравляющие вещества, ломают руки, выбивают глаза, подвешивают, накачивают их водой, вырезают на живом теле фашистскую свастику».

Фашизм поверг в прах многовековую цивилизацию Германии, когда-то культурнейшей страны Европы.

«Интеллект! Долой это слово: ни один немец не хо-

чет иметь интеллекта!» Это изречение, полное клеветы на германский народ, записано в настольном календаре фашистов.

«Образование — смерть для народа», таково заглавие опубликованной в Германии брошюры Гартнакке, бывшего фашистского министра «народного просвещения» Саксонии. «Германия погибнет, — гласит эта жалкая пачкотня, — если откроет широко школьные двери для неспособной черни».

Так с первых же дней прихода к власти фашизм начал организованный поход против знания во имя невежества, против прогресса во имя мракобесия, поход против передовой интеллигенции. Министр пропаганды Геббельс выступил с рядом погромных речей, в которых призывал к немедленной расправе с «интеллигентной бестией», обвиняя в крамоле и политической неблагонадежности всех тех, кто смеет мыслить и критиковать. В одном выступлении Геббельс прямо заявил, что предпочитает необразованного невежду «всезнайке, тем более опасному, что его трудно разглядеть». Исходя из этих «установок», фашизм начал морально и физически истреблять лучших представителей интеллигенции. Фашизм стал требовать от ученых, чтобы они в своих трудах проповедывали и развивали такие теории, опираясь на которые, можно было бы оправдать господство современного варварства, зоологический шовинизм и узкий национализм. Но ни один честный ученый не мог итти вразрез со своей совестью. И тогда фашисты стали смещать профессоров и на их место ставить фельдфебелей.

Фашистская педагогическая печать прямо заявила, что «идеалы офицера и педагога сближены». Фашистский педагог Декер, получив соответствующую установку, писал, что «для профессии учителей следует брать в первую очередь заслуженных и хорошо вымуштрованных унтер-офицеров». Военный устав и розги легли в основу немецкой педагогики. Розги стали символом

фашистской империи. Германский министр Шемм считает порку в школах благом, а «теоретик» Крик подвел даже под это «научную» базу, ссылаясь на облагораживающее действие физической боли.

Фашистские журналисты ревностно принялись за воспитание нового поколения. Журнал для юношества «Юнгфольк» печатает рассказы, разжигающие у ребенка самые низменные инстинкты. Здесь публикуются очерки, написанные на воровском жаргоне. Детей-школьников учат говорить вместо: «спать», «есть», «пить» — «дрыхнуть», «жрать», «лакать». «Герои» рассказов насыщают свою речь отборными ругательствами и угрозами и носят клички из воровского мира: «Соска», «Сова», «Соль», «Горчица» и др. Идеализируются и воспеваются драки до крови и увечий. Всякие хулиганские выходки разложившихся и одичавших подростков: кражи, открытый разбой, неистовая езда на мотоциклах и пр. прославляются как проявление удали. Установленные в культурном обществе правила общежития, санитарии, гигиены высмеиваются «как болтовня старых теток». Журнал воспевает войну, человеконенавистничество и пр. Но не только детям, — взрослому населению фашисты в лошадиных дозах преподносят в литературных и научных журналах антинаучную брехню, невежество, зоологический шовинизм и хулиганство. Средневековье возродилось в фашистской Германии в образе 50 тысяч официально зарегистрированных знахарок, из которых в одном Берлине насчитывается около 6 тысяч.

Решив еще более радикальными мерами «оздоровить человеческий род», фашисты за первые два года своего пребывания у власти стерилизовали 10 тысяч мужчин и женщин, причем «программа» предусматривала стерилизацию 400 тысяч человек.

Маги, астрологи, спириты и фельдфебели заняли кафедры университетов Германии. Вся эта банда ополчилась крестовым походом против науки. Фашисты поставили себе на службу всевозможнейшие отбросы че-

ловечества. Поток гнусной лжи залил страницы немецких журналов и книг. Безграмотные статейки, полные звериного шовинизма, мистики и поповщины, пришли на смену подлинно-научным работам. Нагляднейшим примером такой безграмотной стряпни, где, по словам крупнейшего немецкого писателя-эмигранта Лиона Фейхтвангера, столько ошибок против немецкой орфографии и стиля, сколько слов, является «катехизис» немецкого фашизма, официальное руководство и программа его действий, сочинение «вождя» фашистской банды, кровожадного выродка Гитлера — книга «Моя борьба». Заголовок книги действительно оправдывается ее содержанием. Это борьба со светом, с наукой, со здравым человеческим смыслом, насаждение варварства, хамства, подлости и невежества.

Следуя политике удушения всего живого, фашизм развернул борьбу с теми представителями интеллигенции, которые не хотели следовать указке гитлеровских бандитов.

Гонениям и репрессиям стали подвергаться все передовые ученые, писатели, художники, музыканты фашистской Германии. За первые два года пребывания фашистов у власти, по данным «Прагер прессе», 1202 германских профессора должны были покинуть университетские кафедры. Половина из них осталась в Германии безработными, без средств к существованию, остальные эмигрировали. Всех инакомыслящих фашизм начал беспощадно истреблять. Некий Вульф Блей в книге «Мобилизация военного духа» для оправдания этого погрома решил прибегнуть к авторитету писателей старой Германии. Исказив слова поэта и драматурга Клейста: «Убивайте их! На страшном суде у вас не спросят о мотивах убийства», Блей призывает следовать этому завету по отношению к интеллигенции. Но вскоре оказалось излишним прибегать к столь отдаленным авторитетам. У фашистов нашлись свои виршеплеты, которые стали сочинять стихотворные призывы к физическому уничто-

жению всех несогласных с новым режимом. Некий новоявленный «поэт» Вольф Зоренсен сочинил такие «стихи»:

«Смерть — необходимость в развитии природы,
Убивать — необходимо для развития расы.
Научимся производить смерть холодно и жестоко,
Как учит нас этому природа...
Уничтожим, убьем неполноценного!»

Фашизм стал огнем и мечом преследовать «неполноценных», к которым прежде всего были причислены полноценные ученые, писатели, художники и музыканты. Так, банды вооруженных фашистов сразу же после захвата власти ворвались в квартиру замечательного поэта-революционера Иоганнеса Бехера. Не застав его дома, они разрушили обстановку квартиры. Двенадцать раз производили фашистские громилы налеты на квартиру Бехера, но предупрежденный поэт ушел в подполье. В качестве «купца» он отправился на лейпцигскую ярмарку, откуда бежал за границу. В ту же ночь штурмовики ворвались к бывшему матросу немецкого кайзеровского флота, автору замечательного романа «Кули германского кайзера» Теодору Пливье. Но и здесь бандитов постигла неудача. Писатель успел уйти из дому и тайком пробрался за границу. Озверелые бандиты искали Лиона Фейхтвангера. Они уничтожили его замечательную библиотеку и искрошили мебель. Но Фейхтвангер, ожидая прихода ненавистных штурмовиков, также заблаговременно скрылся. Он бежал во Францию, а потом уехал в Америку. В своей автобиографии Фейхтвангер так оценивал возведенные на него фашизмом обвинения и постигшие его преследования: «Книги писателя Фейхтвангера были преданы поруганию, на него было возведено 943 чрезвычайно грубых и 3248 просто грубых клеветнических обвинений, и книги его в 1584 инспирированных свыше газетных статьях и 327 радио-выступлениях были объявлены ядом для германского народа.

20 экземпляров этих книг, кроме того, были торжественно сожжены».

Но если удалось скрыться Генриху Манну, если бежали Анна Зегерс, Томас Манн, Вилли Бредель, Берт Брейх, Эгон Эрвин Киш, Фридрих Вольф, Бернгардт Келлерман, Альфред Дёблин, Леонард Франк, Людвиг Фульда, Георг Кайзер, Фриц Унру, Якоб Вассерман и многие другие лучшие писатели и поэты Германии, то страшна была судьба тех, кто попал в лапы фашистских погромщиков.

Людвиг Ренн был офицером германской императорской армии. Его настоящее имя и фамилия Арнольд Фицт-Гольсенау. Когда наступила мировая война, Гольсенау вместе со своей частью направился на фронт. Войска провожал сам император Вильгельм II. «Я веду вас навстречу великолепным временам!» — обращался император к отправляющимся на фронт. И вот начались страдные дни войны. Гольсенау на фронте проделал тот путь, который пройден был многими и многими из тех, кто был брошен в пекло мировой бойни.

Закончилась война, и Гольсенау снова в родном Мюнхене. В 1928 году появилась первая книжка Людвига Ренна (таков литературный псевдоним Гольсенау) под названием «Война». В 1930 году Ренн публикует свою вторую книгу — «После войны». Вскоре Ренн едет в Советскую Россию и рассказывает о своих впечатлениях об этой поездке в книге, выпущенной в 1932 году под заголовком «Поездка в Россию». Еще до прихода фашизма к власти против Ренна начались преследования. В ночь с 27 на 28 февраля 1933 года, после пожара Рейхстага, гитлеровская банда схватила Ренна и бросила его в тюрьму, подвергнув жестоким пыткам. Фашисты готовили открытый процесс по обвинению Ренна в государственной измене. Но замысел не удался. Ренн держал себя мужественно, и фашистам не удалось сломить его волю.

15 января 1934 года состоялось слушание дела быв-

шего офицера немецкой кайзеровской армии по обвинению в государственной измене. Дело слушалось при закрытых дверях. Государственный суд приговорил писателя к двум годам и шести месяцам тюрьмы. На суде Людвиг Ренн открыто выразил свое отношение к фашистскому режиму. Выпущенный на свободу, без денег и без документов, Ренн скитался по Германии. Фашисты предложили ему паспорт и офицерскую пенсию, но лишь при условии, чтобы он сообщил иностранной прессе, что ему хорошо сиделось в заключении. Ренн не пошел на эту сделку, и перед ним снова встала угроза оказаться в фашистском застенке. Тогда Ренн тайно покинул пределы ненавистной ему фашистской Германии.

Во время героической борьбы испанского народа с немецкими интервентами Ренн в качестве офицера-артиллериста принимал активное участие в борьбе трудящихся Испании.

Вместе с Ренном в каторжную тюрьму фашистами был брошен замечательный поэт-лирик Эрих Мюзам. Мюзам по национальности был еврей. Этого оказалось достаточно, чтобы подвергнуть Мюзама нечеловеческим истязаниям. Фашисты избивали его, заставляя выполнять самую тяжелую и грязную работу. Но никакие пытки не смогли сломить этого мужественного и волевого человека. Тогда фашисты повесили его, инсценировав самоубийство.

В каторжную тюрьму был брошен известный журналист и талантливый публицист Карл Осецкий. Это был честный и бесстрашный публицист, страстный борец за демократию и мир. Еще накануне мировой бойни, в 1913 г., он мужественно выступил против вильгельмовского милитаризма. Когда началась первая мировая война, Осецкого, в виде наказания, отправили на передовые позиции — для того, чтобы он смертью искупил свое «преступление». Но Осецкий не погиб и смело продолжал борьбу. Когда окончилась война, Осецкий издавал в Гамбурге еженедельник, а потом редактировал журнал

«Вельтбюне». В 1931 году он разоблачил тайные военные приготовления Германии. Тогда генеральный штаб возбудил процесс против Осецкого, обвинив его в государственной измене. На следующий день после поджога Рейхстага Геринг отдал приказ об аресте ненавистного ему Осецкого, который со страниц своего журнала вел открытую борьбу против гитлеровской шайки. Фашисты решили свести с ним счеты и бросили Осецкого в тюрьму. Однако на защиту честного и бесстрашного журналиста поднялось мировое общественное мнение. Передовые люди всех стран выдвинули его, как одного из достойнейших кандидатов на нобелевскую премию мира. Нобелевский комитет сделал Осецкого лауреатом этой премии. Фашисты вынуждены были перевести Осецкого в тюремную больницу. Но они боялись выпустить этого человека на свободу и продолжали держать его в концентрационном лагере. Мировая демократия стала бороться за его освобождение. Бывший редактор английской газеты «Таймс» Уикхем Стид в одном из своих выступлений заявил: «Имя Карла Осецкого является для меня синонимом большого писателя и мужественного человека. Во имя той, другой Германии, которая встанет, когда пройдут мрачные дни, мы можем с гордостью сказать о нем: «Вот настоящий немец!».

А этот «настоящий немец» продолжал томиться в фашистском концлагере. Его расшатанное тюремным режимом здоровье становилось все хуже и хуже. Тогда фашистские мракобесы освободили его, так и не сломив свободолюбивого духа замечательного борца за дело мира. Но они сделали все для того, чтобы физически уничтожить его медленной пыткой. 4 мая 1938 года Карл Осецкий, один из лучших представителей немецкой интеллигенции, борющейся с фашизмом, умер.

Ближайшим соратником Осецкого в его борьбе с гитлеровской бандой был его друг Курт Тухольский. Памфлетист и сатирик Тухольский сотрудничал в журнале Осецкого «Вельтбюне», печатая здесь свои замечатель-

ные фельетоны, которые публиковал под четырьмя псевдонимами. Тухольский называл это «работой в пять лошадиных сил».

Тухольский был также поэтом, и его песенки стали очень популярны среди трудящихся Германии. Он писал против войны, затеваемой фашистами. Он высмеивал немецкого обывателя и издевался над немецкими офицерами. Он разоблачал в своих памфлетах невежество новых правителей Германии. Перу Тухольского принадлежит пародия на школьное сочинение юного гитлеровца на тему «Гитлер и Гете». В этом сочинении молодой фашист заверяет: «Когда власть будет наша, мы упраздним Гете». Так оно и вышло. Германские фашисты упразднили не только Гете, но и всю культуру как прошлой, так и современной Германии.

Под угрозой каторжной тюрьмы, Тухольский был вынужден уйти в эмиграцию. Но фашисты продолжали травить и преследовать его и в эмиграции. Тухольский не вынес всей тяжести жизни в эмиграции и в 1935 году покончил самоубийством. В гибели этого талантливого публициста виновен только фашизм.

Такая же судьба выпала на долю другого немецкого писателя—драматурга, прозаика и поэта Эрнста Толлера. Когда фашисты пришли к власти, Толлер был вынужден бежать со своей родины. Сначала он жил во Франции, а потом эмигрировал в Америку. И здесь, подобно Тухольскому, этот честный интеллигент не выдерживает испытания и кончает жизнь самоубийством.

Во французской эмиграции оказался также известный немецкий поэт Вальтер Хазенклевер. После захвата немецкими фашистами Франции он был арестован и, чтобы избежать пыток фашистских застенков, покончил самоубийством.

Немецкие фашисты разгромили немецкую литературу. Они зверски убили председателя Комитета защиты германских писателей, издателя журнала «Новая Россия» — Эриха Барона. Они заставили левого писателя Гергарда

Поля уничтожить единственную рукопись его собственного произведения. Они подвергли жестоким пыткам автора романа «Баррикады в Веддинге» Клауса Нейкранца. В итоге из 100 самых значительных писателей Германии только 12 живут сейчас в пределах своей родины.

Такая же участь постигла и немецких театральных работников. После допросов и пыток фашистские изуверы выбросили из окна прекрасного артиста Ганса Отто, заставили бежать из Германии режиссера Эрвина Пискатора. Талантливые дирижеры Отто Клемперер, Бруно Вальтер, Фриц Буш, Фриц Штидри, Оскар Фрид, позднее — Блех, композиторы Арнольд Шенберг, Франц Шрекер, замечательный скрипач Крейслер — все они были вынуждены бежать из Германии.

Немецкие художники подверглись разгрому наравне с другими деятелями немецкого искусства. Крупнейший художник, почетный президент Берлинской Академии Макс Либерман был вынужден бежать со своей родины. Подобная же участь постигла талантливых художников Георга Гросса, Кэтэ Кольвиц и ряд других. Но фашисты не ограничились преследованием художников, — они принялись и за «чистку» музеев. Как сообщала парижская газета «Боз'Ар», в Люцерне (Швейцария) фашисты устроили распродажу картин и скульптур, вывезенных из музеев Мюнхена, Эссена, Кельна и Дюссельдорфа под предлогом «очистки музеев от дегенеративного искусства». Здесь значились шедевры таких крупнейших мастеров современности, как Дерен, Матисс, Ван-Гог, Гоген, Либерман и др.

Вслед за разгромом искусства бандиты обрушились на немецкую науку. Гордость мировой науки, Ньютон современности, открывший принцип относительности, лауреат нобелевской премии, профессор Альберт Эйнштейн был вынужден бежать из фашистского ада, в который гитлеровцы превратили Германию. Он нашел пристанище в Англии, но фашистские громилы продолжали преследовать великого ученого, грозя расправиться с ним, где

бы он ни находился. Это были не пустые угрозы. Ведь застрелили агенты гестапо бежавшего в Мариенбад крупного ученого Теодора Лессинга. Чтобы оградить ученого от пули бандитов, друзья Эйнштейна в Англии организовали охрану его жилища.

Вслед за Эйнштейном пределы фашистской Германии был вынужден покинуть виднейший современный физик, лауреат нобелевской премии профессор Джемс Франк. Профессор Фриц Габер, крупнейший ученый-физик, оказавший своими открытиями неоценимые услуги немецкому командованию во время первой мировой войны, также был вынужден бежать в Швейцарию. Известный математик Адольф Френкель, знаменитый медик Бернхард Цондек, лауреат нобелевской премии Мориц Борхардт, директор крупнейшей хирургической клиники в Берлине, историк и экономист Альфред Вебер, известный своими исследованиями о первобытном обществе, и целый ряд других крупных ученых, юристов, философов, языковедов, историков — все они были вынуждены после захвата фашистами власти искать пристанища в других странах.

После захвата фашистами Австрии науку и искусство этой страны постигла та же участь, что и в Германии. Крупнейшие ученые, писатели, поэты и музыканты были арестованы, убиты, затравлены. Вена лишилась трех нобелевских лауреатов. Профессор Отто Леви, получивший в 1936 г. нобелевскую премию за научные достижения в области медицины и психологии, и профессор Эрвин Шредингер, получивший нобелевскую премию по физике в 1933 г., были арестованы. Профессор Виктор Гесс, известный исследователь природы космических лучей и нобелевский лауреат 1937 года, был лишен возможности заниматься научной работой. Фашисты арестовали профессора Фердинанда Блюменталя, крупнейшего специалиста в области исследования и лечения рака. Подвергался репрессиям профессор Генрих Нейман, один из самых крупных специалистов в Европе по болезням уха. Наме-

кая на Гитлера, он где-то сострил, что такого рода болезни горла, какими страдают некоторые государственные деятели, бывают только у лжецов. Этого было достаточно, чтобы фашисты обрушили на Неймана всевозможные репрессии. Лишь с помощью английского министерства иностранных дел ученому удалось скрыться в Англию.

Фашистского режима не вынесли многие и многие ученые. Известный специалист по детским болезням, 72-летний ученый, профессор Вильгельм Кнепфельмахер и его жена, профессор Иннсбрукского университета Байер и его 19-летняя дочь, известный венский хирург Денк, профессор Габо Нобель с женой, профессор Оскар Френкель, профессор Фридрих Герц, композитор Герман Леопольди, президент Австрийской Академии Наук Редлих и многие другие «покончили жизнь самоубийством». Насколько правдоподобна эта версия, можно судить хотя бы по тому, что покончивший самоубийством директор театра доктор Рудольф Беер накануне «самоубийства» был арестован. Повидимому, над ним жестоко издевались. Известно, что фашисты выбили ему глаз. То же случилось с профессором Кнепфельмахером, которого палачи заставили глотать касторку лошадиными дозами.

Известнейшие хирурги, юристы, врачи, экономисты арестованы, бежали за границу, изгнаны из университетов, лишены кафедр. Огромные опустошения произвели фашисты и в искусстве. Так, из оркестра венской оперы было изгнано 25 музыкантов, кровь которых была признана «нечистой». Вена, в течение столетий славившаяся своими театрами, после прихода фашистов к власти утратила свою славу мирового музыкального центра. Режиссера Макса Рейнгардта, получившего всемирную известность, фашисты обрекли на изгнание, а его имущество конфисковали. Самые крупные артисты и художники, лучшие музыканты и писатели подверглись гонениям.

За первые две недели гитлеровского хозяйничанья в Австрии 3 тысячи человек было убито и 20 тысяч аре-

стовано. Гитлеровские агенты сообщали в эти дни из Вены: «Враги наши охвачены таким страхом, что лишают себя жизни».

В последующем та же участь постигла науку и искусство других захваченных фашистами стран. Во Франции они арестовали выдающегося физика Ланжевена, в Дании бросили в тюрьму писателя с мировым именем Мартина Андерсена-Нексе, в Кракове — всех польских академиков.

Фашистские погромщики ставят своей задачей нанести смертельный удар не только современной науке и литературе. Волосатая рука бандита-погромщика и поджигателя простерлась и к классическому прошлому. Вскоре после прихода фашистов к власти в одной из официальных газет был объявлен огромный список книг, «не подходящих для рабочих библиотек». Среди этих официально запрещенных книг значились произведения Анатоля Франса, Теодора Драйзера, Эмиля Золя, Бласко Ибаньеса, Джека Лондона и др.

Фашистские погромщики не только сжигали лучшие произведения мировой литературы и науки, они ставили своей задачей разделаться начисто с классическими произведениями. Так, страстные памфлеты Гейне, бичующие современную ему германскую действительность, свободолюбивые драмы Шиллера и произведения молодого Гете были зачислены ведомством Геббельса в разряд «особо вредной литературы». С Гейне фашисты разделались просто: его имя предано проклятию, памятники уничтожены, а книги сожжены. Правда, иногда фашисты испытывали затруднения с Гейне, особенно с отдельными произведениями великого поэта, ставшими подлинно национальным достоянием. Эти произведения настолько популярны, что игнорировать их не представлялось возможным. Тогда фашисты пошли на такую уловку: в изданной одним издательством «Антологии германской поэзии» стихотворение Гейне «Лорелея» печатается с указанием: «Неизвестный автор». Сообщая об этом факте,

Раймонд-Рауль Ламбер писал в газете «Тан»: «Самый великий лирик XIX века, Гейне, только потому, что он был евреем, должен быть вычеркнут из истории. Так решил фашизм. И если фашисты и считают его «Лорелею» настолько совершенным и национальным по духу произведением, что не могут не включить его в антологию германской поэзии, зато они не приводят его имени».

Шиллера фашисты пытались «приспособить», т. е. извратить и искалечить. Но и в таком виде драмы Шиллера оказались небезопасными. Так, на первом спектакле трагедии «Дон Карлос», когда свободолюбивый маркиз Поза обращается к королю-деспоту Филиппу II с горячим призывом: «Даруйте нам свободу мысли!» зрители, переполнившие зал, устроили бурную демонстрацию. Поведение публики настолько напугало фашистов, что они сразу же причислили Шиллера к... «государственным преступникам». Стали ставить Шиллера более осторожно, но попытки исказить великого драматурга, выхолостить революционное содержание его драм оказались безуспешными. В итоге, когда в берлинском театре была поставлена другая драма Шиллера «Вильгельм Телль», воспевающая освободительную борьбу швейцарских крестьян против немецких князей и кайзера, когда со сцены раздались слова: «Свободны будем так, как наши деды! Уж лучше умереть, чем жить в неволе!» — зал дрогнул от бури аплодисментов. Во время обсуждения этого «прискорбного случая» фашистский журнал «Литератур» заявил, что самое благоразумное отказаться от постановки «Телля» и вообще драм Шиллера. Следует отметить, что один из деятелей фашистской «культуры», некто Меллер, потребовал предания Шиллера гестапо по обвинению в... государственной измене, поощрении цареубийства, либерализме и многих других тяжких преступлениях. Не пощадили фашисты и классической немецкой музыки. Они объявили «неприемлемым и не удовлетворяющим современным требованиям» великого композитора Баха. «Кантаты Баха, — пишут фашистские «музы-

коведы», — должны быть нами отклонены как не соответствующие германскому духу».

Установив жесточайшую цензуру и надев намордник на свободную мысль и искусство, фашисты подвергли разгрому крупнейшие немецкие издательства. Фрица Зольмитца, редактора социал-демократической газеты «Фольксботс» в Любеке, фашисты арестовали и заключили в лагерь. Его били плетью. В конце концов он повесился. В итоге всех преследований «Инзель Ферлаг» и «Фишер-Ферлаг», самые крупные немецкие издательства, сократили свою продукцию более чем в двадцать раз. 48 издательств вовсе прекратили свою деятельность. Об упадке печатного слова после прихода к власти фашизма свидетельствуют следующие цифры официальной гитлеровской статистики: в 1932 г. тираж всех немецких журналов достигал 25 миллионов экземпляров, во втором квартале 1934 г. и первой половине 1935 г. тираж изданий уменьшился на полтора миллиона экземпляров. За время с 1933 г. по 1935 г. 5580 периодических изданий совсем прекратили существование. Общий тираж периодических изданий уменьшился за эти два года на 43 процента.

Разгромив классическую литературу Германии, убив и изгнав лучших представителей интеллигенции, фашисты решили подвести «теоретический фундамент» под эту свою деятельность. Вся фашистская пресса заговорила о том, что не нужно чересчур увлекаться, что большое количество книг опасно. «Вестдейчер беобахтер» по этому поводу спрашивала: «Не слишком ли много у нас пишут и печатают книг?» Этот вопрос фашизм не только поставил, но и разрешил — как путем разгрома университетов и библиотек, так и путем своих «реформ» в области народного образования.

Фашистская Германия — злейший враг культуры. Как сказал Томас Манн в своем выступлении на митинге в защиту немецкой культуры в Нью-Йорке, «все гуманное и прекрасное стало неприемлемым и чуждым для ны-

нешней Германии, и у фашистских властителей не остается иного оружия, кроме фальсификации и насилия. Зловещий, непрестанно беснующийся главарь зарвавшейся банды дикарей, ныне повелевающий Германией, в своей книге «Моя борьба» возвестил такую «идею»: «когда речь идет об укреплении власти, культура отступает на задний план. Невелика беда, если на ближайшие сорок-пятьдесят лет придется снять с повестки дня культуру».

«Нет, — отвечает Манн, — культура — не роскошь, не излишество, не праздное влечение к красоте. Только глупец может так думать. Культура то, чем отличается человек от зверя, культура связана с тяготением человека к разуму, истине, справедливости».

Погромщики культуры — фашисты уже ничем не отличаются от зверей. Об этом с достаточной яркостью говорит хотя бы вышедшая в Праге книга «Судьба немецких женщин», содержащая показания женщин, испытавших ужасы фашистского террора:

«Я не могу передать, с какой зверской жестокостью, с каким садизмом истязал меня Карл, этот изощренный палач из охранного отряда, в помещении казармы на Пренцлауэрштрассе в Берлине, — пишет одна из узниц фашистского застенка. — Поочередно хватался он то за резиновую дубинку, то за розги. Время от времени он избивал меня кулаками, а в промежутках между избиениями требовал от меня денежных «пожертвований» на памятник Хорсту Весселю.[1] Солдаты приставили к моему виску револьвер и пригрозили мне смертью. После этого они снова принялись меня избивать до потери сознания. Я лежала без чувств, когда меня бросили в автомобиль. Вскоре я очнулась. Я почувствовала, как белье на моем теле пропиталось кровью. Меня вытащили из автомобиля и бросили в мусорную свалку. Сильнейший озноб охва-

---

[1] Фашист, сутенер и вор, убитый другим сутенером из ревности. Объявлен национальным героем Германии, как «жертва коммунизма».

тил меня, и мне показалось, что я схожу с ума. За мной явились фашисты и потребовали, чтобы я пошла подмести караульное помещение штурмовиков. Это было в час ночи. Истязания возобновились. Предводитель отряда Литц изобретал для меня все новые пытки».

Фашизм хочет повернуть колесо истории вспять, затормозить неуклонное движение человеческого общества вперед. Он хочет отбросить человечество на тысячелетия назад, привести его даже не к средневековью, а к каменному веку, к морали дикаря.

Поработив почти всю Европу, подмяв своим грязным сапогом культурнейшие народы Франции, Австрии, Чехословакии, Голландии, Бельгии, Дании, Норвегии, фашизм бросил сейчас свои полчища против Советского Союза.

Мы не хотели этой войны, но враг навязал ее нам. И, защищая свою страну, защищая науку и культуру, защищая свободу, будущее человечества, мы будем драться до последней капли крови. Ибо мы знаем, что только разгром фашистских банд спасет от варварства мир и обеспечит создание новой цивилизации.

Страна и наш любимый вождь — Иосиф Виссарионович Сталин зовут нас в бой — на борьбу против банд озверелого врага. Беспредельно преданные нашей великой родине, мы все отдадим себя этой прекрасной и благородной задаче.

История указала нам путь не проторенный и не легкий. Но уверенные в правоте своего долга, мы смело идем в бой и победим.

Мы знаем, борьба предстоит упорная и трудная. Но мы будем беспощадны в этой борьбе и доведем ее до конца, навсегда оградив культуру от варваров.

20 коп.